

объектов; не финансируются работы по обеспечению безопасности и доступа посетителей к объектам культового поклонения (подъемники, леерные заграждения, смотровые площадки); отсутствует система информирования населения и гостей региона о культурной значимости объектов культового поклонения. Некоторые из перечисленных проблем нашли отражение в аналитических документах к региональным целевым программам³.

Оценивая опыт музеефикации объектов культового поклонения на территориях музеев-заповедников Хакасии, следует все же отметить, что в сферу музейной деятельности вовлечена лишь незначительная часть памятников. Из почти 300 культовых объектов, связанных с почитанием гор у хакасов, к «живым» – освоенным в современных обрядовых практиках относятся всего несколько десятков горных вершин, скал, перевалов и стел. И хотя общее число объектов культового поклонения велико, однако если применить такие критерии отбора для музеефикации, как историческая значимость, сохранность, информативность объектов, их доступность, современное значение (актуальность), то из общего списка останется не более 30. Это и есть перспективный фонд для музеефикации памятников на ближайшие годы.

Сохранение и актуализация объектов культового поклонения, прежде всего священных гор и почитаемых мест, несомненно, будут способствовать консолидации этноса, укреплению его культурных ценностей. Кроме того, включение уникальных по культурной значимости памятников в сферу музейной деятельности позволит воспользоваться ресурсом публичности, презентуя самобытное наследие хакасов мировому сообществу.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Потапов Л.П.* Культ гор на Алтае // Сов. этнография. 1946. № 2. С. 145–160.
2. *Топоров В.Н.* Гора // Мифы народов мира. М., 1980. Т. 1. С. 311–315.
3. *Токарев С.А.* О культе гор и его месте в истории религии // Ранние формы религии. М., 1990. С. 602–612.
4. *Бутанаев В.Я.* Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края. Абакан: Хакасия, 1995. 268 с.
5. *Харитонова В.И.* Введение. Хранители и исследователи сакральной культуры: диалог или противостояние? // Этнографическое обозрение. 2010. № 3. С. 3–7.
6. *Шнирельман В.А.* Введение в дискуссию. Историко-этнографический музей: презентация или репрезентация конструкции // Этнографическое обозрение. № 4. 2010. С. 3–8.
7. *Булатов Н.М.* Проблемы музеефикации археологических памятников // Археологический фактор в планировочной организации территории. М., 1997. С. 110.
8. *Еремин Л.В.* Музеи-заповедники Хакасии. Абакан: Изд-во Хакасск. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2011.
9. *Ларичев В.Е., Гиенко Е.Г., Паршиков С.А., Прокотьева С.А.* Первый Сундук – Мировая гора, достигающая высоты Солнца (к методике выявления закономерностей размещения в культурно обустроенном пространстве сакральных памятников) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы Годовой сессии ИАЭТ СО РАН. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. Т. XIV. С. 184–189.
10. *Кызласов Л.Р.* Сулейская писаница – скала ристалищ // Сокровища культуры Хакасии. М., 2008. С. 479–483.
11. *Медведь А.Н.* Музеефикация памятников археологии в России (прошлое и настоящее). М.: ГНОМ и Д, 2004.

Статья поступила
в редакцию 26.03.2013

УДК 930(075.8)

К.Б. УМБРАШКО

О КРИТИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ К ИЗУЧЕНИЮ РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ (XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)*

д-р ист. наук, проф.,
Новосибирский государственный педагогический университет,
e-mail: historian09@mail.ru

В статье прослеживается формирование критического подхода в изучении летописей у отечественных историков в XVIII – первой половине XIX в. Анализируется исследовательская работа в этом направлении И.Н. Болтина, А.-Л. Шлецера, В.Н. Татищева, Н.М. Карамзина, П.М. Строева и других, прослеживается формирование русской летописной традиции.

Ключевые слова: русские летописи, протограф, отечественные историки, критический подход, Археографическая комиссия, публикации летописей.

³ Закон Республики Хакасия от 08.12.2008 № 83-ЗРХ «О республиканской целевой программе «Популяризация культурного наследия и развитие культурного туризма в Республике Хакасия на 2009–2013 годы» // Хакасия. 2008. 10 дек.

*Статья подготовлена в рамках реализации Программы стратегического развития ФГБОУ ВПО «НГПУ» на 2012–2016 гг.

В XVIII в. на основе рационалистического понимания исторического процесса в европейской исторической науке сформировался критический подход при анализе античных источников. Историки, сопоставляя разнотипные источники, отмечали существенные противоречия между ними и делали вывод о невозможности установить в них рациональное зерно. В полной мере критическое отношение к историческим источникам вообще и к древнеримской традиции в частности одним из первых обосновал Луи де Бофор. К этой позиции присоединилась просветительская историографическая традиция. Как показала Cynthia Whittaker, в XVIII в. влияние критического духа просвещения усилило убежденность историков в необходимости большей самостоятельности [1, р. 170]. Именно с просветителями во главе с Вольтером, по мнению Б. Кроче, связано развитие критического метода: «критика становится более глубокой, основывается на знании предмета (литературы, морали, политики, военного искусства), опровергает толкование, которое дают тем или иным фактам поверхностные, легковверные или необъективные историки, и пробует воссоздать их на основе логики» [2, с. 155]. Критическое отношение европейских мыслителей к историческим источникам стало базой для формирования новых принципов исторического исследования не только в европейской науке, но и в России.

Историки России XVIII – начала XIX в. проделали сложный путь в совершенствовании своих профессиональных практик. По словам А.С. Лаппо-Данилевского, в это время отечественная историческая наука «приобрела, наряду с критическим аппаратом, научно-литературный оттенок... и... обнаружила более сознательное стремление к цельному построению нашего прошлого, основанному частью на философских предпосылках, частью на началах строго научно-исследования» [3, с. 6].

Это проявилось в первую очередь в том, что российские исследователи XVIII в. пытались перенести критический подход на изучение отечественных источников в целом и летописей в частности. Но выводы при этом были более сдержанными, чем у их европейских коллег. Например, В.Н. Татищев, по мнению В.И. Буганова, «первым из русских историков, сравнивая между собой тексты различных списков летописей и отмечая их противоречия, разночтения, положил основание их критическому анализу» [4, с. 7]. Историк отделял достоверные данные летописей от вымысла, отмечал в них фольклорные сюжеты, позднейшие вставки, обращая большое внимание на поиски имен летописцев. В целом В.Н. Татищев рассматривал летописи как источник высокой степени достоверности. Несмотря на сомнения в «татищевских известиях» таких крупных историков, как, например, Н.М. Карамзин, именно Татищев впервые подробно перечислил и проанализировал источники древней русской истории. Автор собрал, систематизировал и изложил исторический материал в соответствии с доступными ему источниками и попытался выстроить причинно-следственные связи событий, сопоставить русскую и зарубежную историю, объяснить исторический процесс, подвергнув критике использованные источники. Этот исследовательский подход прослеживается по примечаниям к «Истории Российской» [5].

И.Н. Болтин писал свои труды в конце XVIII в. Анализируя летописи, он сделал важное замечание: «Нестор ко-

нечно не со слов писал свою летопись, а с разных летописей, хотя на них и не ссылается; равным образом и бывшие после него бытописцы, внося в свои летописи многое такое, чего в Несторовой нет, не с предания же то писали, а с других древних летописей, коих сочинителей имена остались нам неизвестными. Итак нет сомнения, что, и кроме Иоакима, были прежде Нестора летописцы, но писания их от времени утрачены» [6, с. 59]. И.Н. Болтин считал необходимым сравнение сохранившихся летописных списков и «очищение» текста летописи. Это был значительный шаг вперед в развитии критического метода в изучении летописей в отечественной исторической науке.

Все сделанное в изучении летописей в XVIII в. стало основой для их изучения и издания в первой половине XIX в. А.-Л. Шлецер продолжил традицию изучения русских летописей, основы которой были заложены В.Н. Татищевым и другими русскими историками. Исследовательская работа Шлецера по изучению летописей осуществлялась в последние десятилетия XVIII в., но полноценный опыт научной критической публикации Повести временных лет – издание «Нестор. Русские летописи на Древле-Словенском языке» – приходится на первые десятилетия XIX в. [7; 8]. В первом томе «Нестора...» Шлецер охарактеризовал исторические знания в России, начиная с летописного периода до 1800 г. Особое внимание он обратил на использование авторами летописных источников. Шлецер считал, что русское летописание имеет более чем 500-летнюю традицию, непрерывно продолжаясь с 1100 по 1630 г. Основой этой традиции стала работа летописца Нестора, создавшего в начале XII в. «достоинное сочинение», но подлинник его текста не сохранился. Древнейшие списки летописи относятся лишь к монгольскому периоду, когда «византийское просвещение в России угасло» и переписчики-монахи часто имели крестьянское происхождение, едва умели писать и потому не понимали значения слов, имен, географических названий, о которых они никогда не слышали. Это явилось главной причиной искажения слов, «выпусков», от которых древнейший период русской истории стал «непроницаем». Именно поэтому, по логике Шлецера, следует в первую очередь восстановить «подлинного» Нестора, «сличенного с отысканными источниками и сходными местами» [7, с. 21, 22]. Поскольку, по мнению Шлецера, описание в летописях некоторых событий носит «баснословный» характер, постольку при работе с летописями необходимо руководствоваться следующим главным правилом: «...чего нет ни в одном списке с временника, ежели только нельзя дойти до того рассудительным соображением, то все есть новейшая бесстыдная выдумка, пустословие, не заслуживающее никакого замечания» [8, с. 261, 262].

Влияние научных источниковедческих принципов, предложенных Шлецером, стало определяющим для развития отечественной исторической науки первой половины XIX в. Его труд высоко оценивается и в современной исторической науке [9, с. 45]. Особое значение для развития критического метода имели публикации летописей. П.М. Строев при издании «Софийского временника» высказал мнение, что летописи – это не единовременные авторские сочинения, а своды. «Для облегчения справок» издатель приложил ко второй части «три полные алфавитные росписи» и подчеркнул, что «при изданиях исторических сочинений по-

добные росписи необходимы: 1) собственным именам лиц, 2) географическим названиям и 3) монастырям и церквям, о коих упоминается в обеих частях Временника Софийского» [10, с. VII].

Р.Ф. Тимковский при издании Лаврентьевского списка Повести временных лет взял за основу древнейший список и, как он в предисловии подчеркнул, «с точностью передавал чтение своего подлинника, объясняя и исправляя оный от ошибок переписчика посредством вариантов» [11, с. IV]. Этот способ публикации, когда за основу брался древнейший список летописи, помогал избегать произвольных толкований, основанных на более поздних вариантах летописи, в поисках «очищенного» Нестора.

К данному периоду относится и работа Археографической экспедиции (1829–1834) под руководством П.М. Строева. Была поставлена цель – обследовать рукописные собрания Троице-Сергиевой лавры, Соловецкого монастыря, Софийского собора в Новгороде и др. (с 1830 г. к этой работе подключился Я.И. Бердников). В 1834 г. для изучения собранных материалов Археографическая экспедиция была преобразована в Археографическую комиссию при Министерстве народного просвещения (под председательством П.А. Ширинского-Шихматова). Началось издание «Полного собрания русских летописей» под руководством Я.И. Бердникова. Критическое изучение летописей приобрело целенаправленный характер.

Благодаря новому взгляду на вводимые в научный оборот исторические источники, в первую очередь летописи, критическое направление в русской историографии получило дальнейшее развитие. И.-Ф.-Г. Эверс, обратив особое внимание на изучение актов и законодательных источников по древней русской истории – договоров Руси с Византией X в. и Русской Правды, не обошел стороной и летописание. При изучении летописной традиции он отметил сложность и длительность начального этапа русского летописания и сделал вывод о сосуществовании параллельных летописных традиций в Древней Руси. Историк сомневался в возможности создания «очищенного» текста летописи, как это пытался делать А.-Л. Шлецер, поскольку «истинная история» не может, по его мнению, отвечать с точностью на важный вопрос, «пока не получит точку, с которой можно будет ей смотреть на происшествия того времени» [12, ч. I, с. 56]. Эверс считал, что для реконструкции более ранних событий можно привлекать поздние летописные сборники-своды, несмотря на то, что в строго научном плане это не вполне корректно. «Но в отношении к происшествию девятого столетия едва ли можно давать большое преимущество сказанию летописи тринадцатого, коей при том имеем мы новейшие списки, пред летописью 15-го столетия, тем более когда мы знаем, что сия летопись составлена из множества других теперь потерянных летописей», – указывал историк [12, ч. II, с. 253–254]. Взгляды И.-Ф.-Г. Эверса представляют собой значительный шаг вперед в направлении критического изучения русских летописей.

Эти идеи были подхвачены Н.А. Полевым. Первым летописцем он называл Нестора, летопись которого «не дошла до нас отдельно». «Великое множество списков с нее находится в России, – писал Полевой, – и все летописи русские начинаются одинаково; следовательно, все летописцы спи-

сывали сначала Несторов временник, и он был единственным памятником древнейших времен. Но ни в одном списке сказания Нестора не отделены от продолжателей, и все, сливаясь вместе, будучи писано почти одинаковым образом, представляет беспрерывную цепь записок исторических, коих списатели нам неизвестны» [13, с. 42]. Признавая наличие в летописи большого количества фольклорных сюжетов (преданий) и более поздних интерполяций, не имеющих исторической достоверности, Полевой полагал, что и их можно использовать для описания нравов древнейшего периода [13, с. 46]. К баснословию он относил сообщения летописи об испытании вер князем Владимиром, о посещении Киевской земли Андреем Первозванным и т.д.

Пристальное внимание на русскую летописную традицию обратили М.Т. Каченовский и его ученики – авторы «скептической школы». При изучении летописей М.Т. Каченовский прошел эволюцию от принятия основных выводов А.-Л. Шлецера по русскому летописанию, согласно которым летописный текст был создан в начале XII в. преподобным Нестором, но из-за утери протографа исследование летописи должно вестись по пути «очистки» текста сохранившихся более поздних списков от ошибок, искажений, вставок переписчиков, к отрицанию самого факта создания летописи Нестором в XII в.

Проблемы, исследуемые М.Т. Каченовским, на первый взгляд не выходили за рамки внешней критики источника и состояли в определении авторства, места и времени создания древнейших летописей. В качестве возможных источников древней русской летописи указывались византийские летописи, отдельные записки о событиях (т.е. летописные записки). Одновременно обращалось внимание на параллели к некоторым летописным сюжетам в зарубежных источниках, в частности – в исландских сагах (смерть Олега от укуса змеи, месть Ольги древлянам и т.п.). Но решение этих вопросов было подчинено постановке задач внутренней критики, сводившейся к проверке соответствия выводов, полученных при проведении внешней критики, «духу времени» XI–XII вв.

М.Т. Каченовский специально подчеркнул, что «происшествия первых столетий в летописях наших записаны несовременными свидетелями оных, что изо всех списков известных самые древние не старше четырнадцатого века, и что переписчики подновляли текст, дозволяли себе изменять его, руководствуясь понятиями своего века, управляясь обстоятельствами и собственным образом мыслей – истина доказанная» [14, с. 28]. Он не отрицал факта потенциального существования более древних летописных списков, предшествовавших сохранившимся спискам XIV–XVI вв., но указывал, что переписчики не механически копировали тексты, а вносили поправки, изменения, сокращали и расширяли отдельные части текста и сами становились авторами, создавая фактически новые редакции текста. При этом понятие «редакция» для историка совпадало с понятием «список». Поэтому летописные списки XIV–XVI вв., по его мнению, отражают реалии того времени, когда они были созданы, а не IX–XII вв.

Хотя М.Т. Каченовский не пользовался непосредственно рукописными источниками, а цитировал ранее опубликованные тексты, его выводы ученики восприняли как непреложную истину. С.М. Строев процитировал Каченовского,

не ссылаясь на первоисточник: «Летописи наши суть не что иное, как сборники, составленные в позднейшие времена (в конце XIII или начале XIV ст.) из различных сочинений, писанных отдельно и в разные века. Сочинения эти вносились в сборники, или летописи наши, иногда без всякой перемены, слово в слово, со всеми аз, ми, мне и пр., иногда же с большими или меньшими переменами, сокращенные или распространенные» [15, с. 40–41].

Приемы «высшей» критики («критическое исследование» путем «разложения наших временников на составные их части»), сравнительно-исторический метод и сопоставление разновидовых источников, в частности летописей и договоров Руси с Византией X в., здравый смысл позволили С.М. Строеву сделать окончательный вывод о характере и времени появления русского летописания: «...летописи писаны в конце XIII или в начале XIV столетия» [16, с. 478, 479].

Другой ученик М.Т. Каченовского – В. Виноградов – заметил в русских летописях сухость, противоречивость, продолжительные перерывы, сбивчивость, несообразность. Он считал, что летописи указывают «на век мифологический, неясный и сомнительный» и на маловероятность «оных происшествий в первые времена государства и особенно в первый век его, до принятия веры Христианской». На многих хронологических отрезках летопись, по его мнению, как бы «истощается», летописец прибегает к «совершенно неуместным вставкам», поэтому «система наших летописей представляет как бы сводные места, говоря попеременно, что происходило в нашей Руси, и что потом в Византии; но зато пропускаются несколько лет сряду происшествия нашего государства». Это периоды 886–907 гг., 921–940 гг. и др. [17, № 15–16, с. 172–174].

Отсюда следует вывод: русские летописи созданы во второй половине XIV в., если не позднее, поскольку сохранившиеся списки «написаны в духе своего времени (т.е. XIV в. – К.У.), с некоторым, весьма неудачным применением к первому веку нашей младенчествовавшей державы». В Средние века, по мнению В. Виноградова, «вообще любили примешивать к чистой истине что-нибудь постороннее», а отечественные «писцы невежественные» тем более, «не постигая достоинства исторической истины, приплели к ней свои нелепые вымыслы» [17, № 17–18, с. 19–20]. Автор имел в виду не непонятные слова и сбивчивые фрагменты, вина за которые лежит на невежественных переписчиках, а общий дух летописей, их содержание, несообразное, по его мнению, с духом времени XI–XII вв.

Таким образом, именно Повесть временных лет для историков XVIII–XIX вв. служила основным источником для реконструкции событий ранней русской истории. Несмотря на сомнения некоторых исследователей, нижние хронологические границы русского летописания большинство исто-

риков датировали XI – началом XII в. [18, с. 148]. Наиболее полным и достоверным историки признавали летописный свод, в котором описание событий доводится примерно до 1110 г. – «Повесть временных лет».

Последовательное применение русскими историками критического метода в изучении летописей сделало возможным появление нового этапа всестороннего изучения древнерусских письменных памятников; способствовало изданию большого корпуса архивных материалов, введению исторических источников в научный оборот. Критический метод изучения исторических источников стал господствующим в русской исторической науке XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Whittaker Cynthia Hyla. The Idea of the Autocracy Among Eighteenth-Century Russian Historians // Russian Review. 1996. Vol. 55, N 2.
2. Кроче Б. Теория и история историографии. М., 1998.
3. Лаппо-Данилевский А.С. Очерк развития русской историографии // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6.
4. Буганов В.И. Отечественная историография русского летописания. М., 1975.
5. Татищев В.Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. I.
6. Болтин И.Н. Примечания на Историю древняя и нынешняя России г. Леклерка. СПб., 1788. Т. I.
7. Шлецер А.-Л. Нестор. Русские летописи на Древле-Словенском языке. СПб., 1809. Ч. 1.
8. Шлецер А.-Л. Нестор. Русские летописи на Древле-Словенском языке. СПб., 1819. Ч. 3.
9. Умбрашко К.Б. Критическое изучение актовых источников в отечественной науке первой половины XIX в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2012. № 1.
10. Софийский Временник или Русская Летопись с 862 по 1534 год / изд. П. Строев. М., 1820–1821. Ч. 1–2.
11. Летопись Несторова по древнейшему списку мниха Лаврентия: изд. проф. Тимковского [Р.Ф.], прерывающееся 1019 годом. М., 1824.
12. Эверс И.-Ф.-Г. Предварительные критические исследования Густава Эверса для российской истории. М., 1825.
13. Полевой Н.А. История русского народа: в 3 т. М., 1997. Т. 1.
14. Каченовский М.Т. Два рассуждения: о кожаных деньгах и о Русской Правде. М., 1849.
15. Строев С.М. О недостоверности древней русской истории и ложности мнения касательно древности русских летописей. СПб., 1834.
16. Строев С.М. О пользе изучения отечественной истории в связи со всеобщей // Учен. зап. Моск. ун-та. 1833. № VI.
17. Виноградов В. О скудости и сомнительности происшествий первого века нашей истории // Вестник Европы. 1830.
18. Умбрашко К.Б. Историческая наука России: методологические уроки XIX в. // Философия образования. 2006. Спец. вып. № 2.

Статья поступила
в редакцию 25.11.2012